
Вхождение России в интеллектуальное пространство Европы: от Петра I до Екатерины II

Т.В. АРТЕМЬЕВА

Время правления Петра I в наибольшей степени ассоциируется с реформами и ориентациями на европейские образцы. Петр не просто реформировал страну, он менял способ восприятия мира в России и России в мире.

Современники отмечали сильное и неоднозначное впечатление, которое произвела перемена летоисчисления и перенос празднования Нового года на простой народ. Так, например, И. Голиков писал, что многие удивлялись тому, “как мог Государь переменить солнечное течение, и, веруя, что Бог сотворил свет в сентябре месяце, остались при своем старом мнении”¹. В Петровскую эпоху Россия обрела несколько парадоксальный эпитет, воспроизводившийся впоследствии с завидным постоянством – “молодая”. “Древняя Русь” трансформировалась в “Молодую Россию”, создав иллюзию не только *сдвига* или *перелома*, но и некоего *круговорота*.

“Онтологические” реформы, географическая и календарная, поместившие Россию в европейскую систему пространственно-временных координат – не единственная черта, отделившая XVIII в. от предшествующего. Петровский человек стал иначе писать и говорить, одеваться, вести домашние дела, любить, общаться с друзьями. Он начал по-другому питаться, стал жить в других домах, сменил ценностные и образовательные ориентиры. “Птенцы гнезда Петрова” были не просто *иные*, как, в общем-то, и подобает любым “птенцам”, они были *демонстративно иные*, принадлежащие другому времени и даже отчасти другой стране. “Европейская Россия” и становилась другой страной, в ней происходила смена аксиологических ориентиров и формировались новые элиты. Отчасти это было связано, разумеется, с вхождением в европейское интеллектуальное пространство, но это вхождение было результатом глубоких внутренних процессов.

Обычно факт культурного влияния фиксируется почти как явление метеорологии. Он в большей мере принадлежит феноменологическому описанию, нежели аналитическому объяснению. Его данность может быть изображена в подробностях, ближайшее будущее относится уже к области гипотетических предположений, а проблема долгосрочного

---

¹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Ч. II. М., Унив. тип., у Н. Новикова, 1788. С. 6.

прогноза никогда и не ставится добросовестным исследователем. Разумеется, существует несколько объяснительных моделей, самой очевидной из которых является, если так можно выразиться “теория культурного распределения”. Она предполагает, что культурные пространства, пришедшие в соприкосновение, должны приобрести некоторую однородность, как если бы они были сообщающимися сосудами. Поэтому явление, появившееся в одной культуре, немедленно проникает в соседние и укореняется в них. При этом принятие культурной инновации рассматривается как активное воздействие культуры, в которой она возникла на воспринимающую культуру, рассматриваемую как пассивная. Эта модель, возможно, и могла бы объяснить некоторые физические явления, но применить ее к области литературы, искусства, философии вряд ли возможно, так как она не объясняет, почему одно явление вызывает интерес и становится популярным, в то время как другое проходит незамеченным и непонятым.

Данный подход формирует архетип активной, стремящейся к распространению инновационной культуры, в то время как культура воспринимающая рассматривается как пассивная, питающаяся чужими соками, вместо того чтобы вырабатывать собственные. В действительности, если бы дело так и обстояло, вряд ли мы могли бы говорить о каком бы то ни было разнообразии. Возрастание духовной энтропии привело бы к полной однородности культурных ландшафтов. Однако пока этого не происходит, хотя опасения высказывались достаточно давно.

Вероятно, восприятие и творческое усвоение есть тоже один из признаков инновации (или готовности к ней) и активности. Иногда это просто форма, в которой вырабатываются новые идеи, иногда способ реализовывать свои собственные. Мыслители эпохи Просвещения даже считали удачное подражание определенным достоинством, воплощением метода *эклектизма*, рассматриваемого в то время как право избирательного использования лучшего из достижений предшествующей мысли. “Эклектик – это философ, который решительно отбрасывает предрассудки, традиции, предания, господствующие мнения, авторитеты – все то, перед чем склоняет голову большинство людей, и отваживается потому думать самостоятельно... Эклектики скорее стремятся быть учениками человечества, чем его воспитателями, не столько усовершенствовать других, сколько самих себя, не столько учить истине, сколько ее познавать...”² – писал Дидро в энциклопедической статье “Эклектизм”.

Чтобы понять специфику послепетровского развития, следует обратить внимание на эволюцию интеллектуальной элиты, которая, собственно, и обеспечивает инновационные процессы и реализует процессы интеллектуальной коммуникации.

В России эпохи Просвещения мы имеем дело не менее, чем с тремя интеллектуальными сообществами. Традиционную элиту представляли преподаватели церковных школ, прежде всего духовных академий в Киеве и Москве, образованное духовенство, “ученое монашество”. “Новой элитой” стало академическое сообщество как система академических институтов, включающая как “видимый”, так и “невидимый” колледж. Прежде всего можно назвать Санкт-Петербургскую академию наук с Академическим университетом (1724) и Московский университет (1755), а также Российскую Академию (1783), Академию художеств (1757) и др. К ним примыкали, но только отчасти, военные школы для юношества – “Сухопутный шляхетский кадетский корпус” (1731) и “Морской шляхетный кадетский корпус” (1752). Это сообщество было представлено университетской профессурой, академиками и академической администрацией. Оно было интернационально по своему составу и, в свою очередь, непосредственно включено в международный академический обмен идеями.

Третье сообщество составляла дворянская элита, представителем которой являлся высокообразованный интеллигент, “дворянин-философ”. Такой, исключительно знаковый псевдоним был избран Ф.И. Дмитриевым-Мамоновым (1727–1805). Это сообщество принадлежало одновременно и к политической элите, что позволяло ему иметь особенное влияние на дело просвещения.

---

² Дидро Д. Эклектизм. Осадная башня штурмующих небо. Избранные тексты из Великой французской энциклопедии XVIII в. Л., 1980. С. 61–62.

Богословы, или представители, так называемого “ученого монашества” были сосредоточены в центрах церковного образования, ведя свою историю от Киево-Могилянской коллегии (1632) и Славяно-греко-латинской академии (1687–1814). Так же как и в прошлом веке, духовная элита, в основном, выходцы из Украины, получали образование на Западе: Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Иоасаф Кроковский учились в Риме в специальной коллегии святого Афанасия, предназначенной для восточно-европейского духовенства. Позже некоторые из монашествующих получали и светское образование, как Аполлос (А.Д. Байбаков), который после Славяно-греко-латинской академии продолжил образование на философском факультете Московского университета. Феофилакт (Ф.Л. Лопатинский) после Киево-Могилянской академии завершал образование в Польше, Амвросий (А.С. Зертис-Каменский) для продолжения образования был послан в Львовскую духовную академию. Симон (Симеон Тодорский) (1700 или 1701–1754), как известно, настаивал в основах православия будущих Петра III и Екатерину II. После Киевской Академии, как сам он о себе сообщает, “отъехал за море в Академию Галлы Магдебургския”³. Следует отметить, что Галле был тогда центром пиетизма, откуда в 1723 г. изгнали Хр.Вольфа. Некоторое время Тодорский был даже учителем в знаменитом “Сиротском доме” пиетистов в Галле. Он перевел книгу Иоанна Арндта “Об истинном Христианстве”, “Анастасия проповедника руководство к познанию страданий Спасителя” и неизвестного автора “Учение о начале христианского жития”. Все эти книги были запрещены и изъяты из обращения в 1743 г.

В Екатерининское время были предприняты некоторые шаги для реформирования богословского образования. Планировалось создать богословский факультет в Московском университете, для чего в Геттинген, Лейден и Оксфорд была послана группа молодых людей из духовных воспитанников⁴. Геттингенский университет закончил Дамаскин (Д.Е. Семенов-Руднев), впоследствии епископ Нижегородский, ректор Московской духовной академии и член Российской академии. Говорили, что митрополит Гавриил “внушил ему оставить все германския бредни, толпившиися в его голове, а приняться лучше за исполнение обетов иночества”⁵...Вениамин Багрянский, ставший епископом иркутским, закончил Лейденский университет.

Практически все архиереи завершали образование на Западе, кроме того, подавляющее их большинство было с Украины (Флоровский пишет об украинизации православной церкви в XVIII в.), что объясняет освоение “второй схоластики”, а позже вольфианства. Отмена патриаршества, создание Священного Синода (1721), во главе которого стоял обер-прокурор – “око царево и стряпчий о делах государственных”, который, по сути, являлся министром церкви и назначался непосредственно царем, а также секуляризация церковных владений, проведенная Екатериной II (1764), заявившей об “украденной” у государства собственности, лишившей церковь экономической самостоятельности, привели к тому, что церковь теряла влияние в обществе, а ее представители постепенно выбывали из рядов интеллектуальной элиты. Интеллектуальная коммуникация церковных мыслителей с академической средой и дворянской интеллектуальной элитой не была интенсивной. Можно вспомнить архимандрита Дамаскина (Д.Е. Семенова-Руднева (1737–1795), – издателя трудов М.В. Ломоносова и митрополита Платона (П.Е. Левшина – 1737–1812).

В петровскую эпоху структура интеллектуальной элиты изменилась. Она, в значительной степени, была создана искусственно, практически без учета уже существовавшей системы интеллектуальных ценностей и полностью подчинена потребностям государства. Именно поэтому создание системы академических институтов если не с подконтрольной, то, по крайней мере, предсказуемой элитой было делом государственным.

В системе европейского просвещения сложились две формы производства научного знания – академия и университет. Они никогда не были противопоставлены друг

---

³ Цит. по: *Флоровский Георгий*. Пути русского богословия Часть I. История русского богословия. <http://ihtik.lib.ru>

⁴ Там же.

⁵ Там же.

другу, напротив, создание той или иной структуры было обусловлено временем, культурными традициями, общественными потребностями. До начала XIX в. для России была вообще характерна в большей степени “академическая”, нежели “университетская” традиция.

В Российскую академию наук были приглашены математики братья Д. и Н. Бернулли, химик М. Бюргер, зоолог и анатом А.-Л. Дювернуа, историк Г.-З. Байер, позже здесь работали ученые с мировыми именами Л. Эйлер, П.-С. Паллас, Ф. Эпинус, Ж.-Н. Делиль. Почетными членами Петербургской академии были Хр. Вольф, И. Бернулли, Р. Реомюр, П. Мопертюи, Вольтер, Д. Дидро, Ж. Д'Аламбер, К. Линней, П. Мушенброк, Б. Франклин, В. Робертсон. Членами и почетными членами Петербургской академии наук были и знаменитые русские ученые М.В. Ломоносов, С.П. Крашенинников, Н.И. Попов, С.Я. Румовский, Г.Н. Теплов, Н.Я. Озерецковский, А.И. Протасов.

Иностранцев привлекало в Россию покровительство государства, которое давало положение в обществе (правда, порой, достаточно иллюзорное, ибо после смерти Петра I ситуация в академии наук менялась с каждым дворцовым переворотом), гарантировало оплату труда. В отличие от Британского Королевского общества, академическая деятельность считалась профессиональной и требовала личного присутствия, в 1759 г. было учреждено звание члена-корреспондента.

“Государственный” характер организации науки имел определенные достоинства. В небывало короткий срок был создан крупнейший научный центр с обсерваторией, физическим кабинетом, ботаническим садом, анатомическим театром, типографией, библиотекой, химической лабораторией, инструментальными мастерскими. Когда молодой Эйлер получил приглашение работать в Петербургской академии, Христиан Вольф писал ему: “Вы едете в рай ученых, и я ничего не желаю больше, чем того, чтобы Вы в Вашей поездке сохранили доброе здоровье и как можно дольше находили удовольствие от пребывания в Петербурге”⁶. Л. Эйлер, как и другие академики вел обширную переписку со своими коллегами из других стран, являясь одновременно членом и “видимого” и “невидимого” колледжа. Кроме того, в Петербурге они имели неограниченную возможность издания своих трудов. Сам Эйлер по этому поводу высказывался так: “Я и все остальные, имевшие счастье служить в Российской Императорской Академии, должны признать, что всем, чем мы являемся, мы обязаны тем благоприятным условиям, в которых мы находились. Ибо, что касается лично меня, то не будь этого счастливого случая, я был бы вынужден посвятить себя какому-нибудь другому занятию, в котором я, по всей видимости, стал бы только кропотелем”⁷.

Петербургская академия наук создавалась в то время, когда без активных контактов в международной профессиональной среде и обмена информацией невозможно было заниматься наукой. Ученые меняли место службы, переезжали из одной страны в другую, работали в разных исследовательских коллективах. Однако специфика науки Нового времени предполагала, что каждое новое открытие должно было опираться на сумму предшествующего опыта и знаний, и, в свою очередь, апробироваться в профессиональной среде экспертов. Научный институт должен был становиться ячейкой уже существующей научной сети, а ученый мог заниматься наукой, только будучи ее частью. При этом само построение научной сети не имело иерархического характера и может сравнимо с современными сетевыми моделями. Научное открытие в значительной степени зависит от степени включенности исследователя в мировую науку, это необходимое условие реализации его таланта и способностей.

Очень скоро Петербургская академия наук стала необходимым звеном в сети международных научных институтов. Ученые, понимая всю важность научных контактов, не дожидались “верительных грамот” академических институтов и сами устанавливали нужные им связи. Так, К. Линней начал научную переписку с российскими учеными за

⁶ Цит. по: *Тиле Р.* Леонард Эйлер. Киев, Вища школа, 1983. С. 26.

⁷ Цит. по: *Копелевич Ю.Х.* Эйлер член Петербургской академии наук, действительный и почетный // Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. М., Наука, 1988. С. 56.

несколько лет до того, как была основана Шведская Королевская академия наук и в 1739 г. он стал ее президентом⁸.

Одним из первых корреспондентов Линнея был профессор ботаники Петербургской академии наук И.Г. Сигезбек, после того как он был назначен директором Аптекарского огорода. Ему хотелось бы иметь семена шведских и экзотических растений, а также сочинения самого Линнея “*Hortus Uplandicus*” and “*Fundamenta botanica*” и других шведских ботаников. Он получил любезный ответ от Линнея весной 1736 г. В ответ Сигезбек послал ему семена редких растений из Сибири, Китая и Персии. В то время ботаники часто пересылали друг другу семена и вынуждены были иметь свои собственные садики, так как узнать растение по описаниям из-за неразработанности терминологии и отсутствия номенклатуры было трудно. Ученые обсуждали возможность организовать активную переписку с представителями естественной науки разных стран.

Линней активно общался и с другими российскими коллегами. Среди его корреспондентов историк Г.Ф. Миллер, с которым он обсуждал проблемы европейской истории, промышленники, ученые любители и меценаты П.Г. и Г.А. Демидовы, его ученики, президент Академии наук К.Г. Разумовский и директор С.Г. Домашнев, профессора ботаники в Петербургской академии наук И.Г. Гмелин и И.Х. Гебенштрейт, путешественник и профессор естественной истории П.С. Паллас, путешественник, ректор Академического университета, профессор натуральной истории и ботаники С.П. Крашенинников.

В 1760 г. Линней получил премию от Санкт-Петербургской академии наук за сочинение “О существовании пола у растений”. Оно было издано в Санкт-Петербурге в 1760 г. на латинском языке⁹. В 1795 г. оно было переведено на русский язык и издано под названием “Карола Линней разыскание о различном произрастании” в “Новых ежемесячных сочинениях”¹⁰. Г.Ф. Миллер пишет Линнею 12(23) февраля 1748: “Связи исследовательских работ в области истории обоих народов требуют постоянной взаимной консультации. Поэтому ты оказал бы мне и нашей Академии величайшее благодеяние, побудив какое-нибудь ваше светило вести с нами переписку по научным вопросам”¹¹.

Линней рекомендует Миллеру пригласить в Петербург его ученика Д.К. Соландера, члена Лондонского королевского общества, а когда это не удастся, замечает: “Жалею, что я стар, слаб и обременен многочисленным семейством, иначе я сам не отказался бы от столь почетной должности, оплачиваемой вдвое выше, чем должность, занимаемая мною”¹².

Линней и сам был заинтересован в обмене ботаническими материалами и в особенности, в информации о предпринятых Академией наук экспедициях. Важными источниками для Линнея были результаты экспедиций Д.Г. Мессершмидта. Изображения открытых Мессершмидтом видов растений, во время его семилетней экспедиции в Сибирь, куда он был отправлен Петром “для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корней и семян и прочих статей в лекарственные составы” были отчасти опубликованы Иоганном Амманом в его “*Stirpium rariorum in imperio Rutheno sponte*

⁸ О взаимоотношениях К. Линнея с российскими учеными см. Философский век, альманах № 33 “Карл Линней в России”. СПб, 2007. (<http://ideashistory.org.ru/a33.html>)

⁹ Caroli Linnaei, M.D. equitis de Stella Polari, S.R. Maiestatis Suecicae archiatri, medicinae et botanices professoris Upsaliensis, plurimarumque Academiarum socii, Disquisitio de quaestione ab Academia Imperiali scientiarum Petropol. in annum 1759. pro praemio proposita: Sexum plantarum argumentis et experimentis novis, praeter adhuc iam cognita, vel corroborare, vel impugnare, praemissa expositione historica et physica omnium plantae partium, quae aliquid ad foecundationem et perfectionem seminis et fructus conferre creduntur, ab eadem Academia die 6. Septembris 1760. in conventu publico praemio ornata. – Petropoli [St.- Peterburg]: Typis Academiae scientiarum, 1760.

¹⁰ Новые ежемесячные сочинения, ч. CVII, месяц май, 1795.

¹¹ Г.Ф. Миллер – К. Линнею 8(19) сентября 1760 г., Петербург. Переписка Карла Линнея с деятелями Петербургской академии наук (И. Амманом, Г.Ф. Миллером, А.И. Лекселем, И.Я. Лерхе). Публикация Е. Райкова и Т.А. Красоткиной // Карл Линней. Сборник статей. С. 173.

¹² Там же. С. 195.

proventium” (1739), а также Иоганном Гмелиным во ”Flora Sibirica”¹³. Линней дал им точные названия в своей ”Species plantarum”¹⁴. Кроме того, он пользовался сочинениями Иоганна Христиана Буксбаума¹⁵, служившего с 1721 г. при медицинской канцелярии, первого академика-ботаника Петербургской академии наук.

Регулярные контакты Линнея с Петербургской академией относятся к 50-м гг. XVIII в., когда он написал С. Крашенинникову письмо, где интересовался результатами второй Камчатской экспедиции 1733–1743 гг. Он хочет активизировать связи с Петербургской Академией, так как после отъезда Гмелина его переписка с Россией заглохла. Линней пишет: ”В Российской империи больше найдено неизвестных трав через десять лет, нежели во всем свете через половину века”¹⁶. Крашенинников описывает какого рода переписка по проблемам естественной истории ведется в Академии.

Письма Линнея и ответы Крашенинникова обсуждались на заседаниях Академической конференции. Российские академики интересовались мнением Линнея не только по научным вопросам, но и обсуждали с ним кандидатов на академические должности.

Американский ученый и государственный деятель Бенджамин Франклин был очень заинтересован в контактах с российскими учеными, прежде всего М.В. Ломоносовым, И.А. Брауном, Ф.У.Т. Эпинусом и Г.В. Рихманом, преждевременную гибель которого от удара молнией в 1753 г. во время научного эксперимента он глубоко переживал¹⁷.

В 1771 г., когда Философское общество, основанное Франклином в 1743 г., стало издавать свои труды, первый же выпуск был отправлен в Петербургскую академию наук. В протоколе академической конференции было отмечено: ”Представлен от имени Философского общества, учрежденного в Филадельфии в Америке, и через посредство знаменитого господина Франклина, первый том Записок под заглавием ”Transactions of the American Philosophical Society...” Труд передан в Библиотеку, и секретарю поручено поблагодарить Философское общество за этот дар”¹⁸. Фактически это первое документальное свидетельство научного общения между США и Россией¹⁹. Таким образом, интеллектуальные коммуникации между российскими и американскими учеными предшествовали дипломатическим отношениям и способствовали их становлению.

Б. Франклин был первым американцем, ставшим почетным членом Петербургской академии наук. Он получил это звание в ноябре 1789 г. как физик по рекомендации директора Академии Е.Р. Дашковой. Несколько месяцев ранее Дашкова сама была избрана в Американское философское общество, став первой женщиной, удостоенной чести быть членом престижного и поныне научного общества.

В более широких кругах России Франклин был известен как представитель ”практической философии”. При этом высоко ценилась не только политическая деятельность Франклина, но и его моральное учение. Об этом свидетельствуют переводы этических сочинений мыслителя на русский язык, многократное издание его ”Автобиографии”. В России был известен также ”Альманах бедного Ричарда”, который пользовался такой популярностью в Америке и в Европе, что расходился ежегодно тиражом в 10 тыс. экземпляров (редкий тираж для XVIII в.).

---

¹³ ”Flora Sibirica sive historia plantarum Sibiriae” .I, 1747; II – 1749; III – 1758; IV – 1759. Пятый том материалов Гмелина написан С. Крашенинниковым по материалам Гмелина после его смерти, но остался в рукописи.

¹⁴ Сьтин А.К. Особенности русской ботанической иллюстрации первой половины XVIII века (<http://herba.msu.ru/russian/journals/herba/icones/syтин2.html>)

¹⁵ Plantarum minus cognitarum complectens plantas circa Byzantium et in Oriente observatas / Per J.C. Buxbaum, Acad. Scient.socium. – Petropoli [St.- Peterburg]: Ex Typographia Academiae, 1728–1740.

¹⁶ Переписка Карла Линнея с деятелями Петербургской академии наук. С. 237.

¹⁷ О восприятии Франкина в России см. Философский век, альманах № 32–33 Б. Франклин и Россия. Т. 1–2. СПб, 2006 (<http://ideashistory.org.ru/almanacs.html>)

¹⁸ Цит. по: Смагина Г.И. Сподвижница великой Екатерины. СПб., 2006. С. 234.

¹⁹ Там же.

С конца 1770-х годов Франклин стал одним из наиболее известных иностранных писателей и ученых в России. В 1791 г. в России было опубликовано собрание сочинений Франклина, включая его “Автобиографию”. Автором первой биографии Франклина на русском языке был А.И. Тургенев. Андрею Тургеневу принадлежал очерк “Жизнь Франклина”, где он отмечал главные черты характера Франклина – неутомимое трудолюбие, пламенную любовь к наукам, прямоту и честность²⁰.

Идеи Франклина и события его жизни вызывали уважение и даже восхищение его российских современников, многие из которых встречались с ним прежде всего во время его пребывания в Париже. В 1778 г. Франклин познакомился там с Д.И. Фонвизинным, писавшим о своей встрече со “славным Франклином” в собрании под названием *Le rendez-vous des gens des lettres*.

Научные занятия формировали представителей нового ученого сословия, вписанного в международное сообщество. Примеры “академической мобильности” того времени красноречиво это иллюстрируют. Студенты Академического университета Василий Венедиктов (сын дьячка) обучался истории в Геттингене, Василий Федорович Зуев (сын солдата Семеновского полка) в Лейденском и Страсбургском университетах, где изучал экспериментальную физику, химию, анатомию и натуральную историю, Петр Борисович Иноходцев (сын солдата Преображенского полка) обучался в Геттингене экспериментальной физике, математике, химии и естественной истории, Дмитрий Романович Легкой (сын солдата Измайловского полка) в Страсбурге обучался праву, Иван Иванович Лепехин (солдатский сын) обучался ботанике, физике, химии, Алексей Яковлевич Поленов (сын гобоиста Преображенского полка) учился в Страсбургском университете истории и праву, Степан Яковлевич Румовский (сын священника) и Михаил Софронов (сын дьячка) были посланы для усовершенствования в математике в Берлин в 1754 г., где в то время работал Л. Эйлер. Василий Прокофьевич Светов (сын капитанармуса Астраханского полка) учился в Геттингене истории и дипломатике, Константин Иванович Щепин (сын пономаря) учился в Лейденском университете ботанике, Иван Юдин (сын гренадера Преображенского полка) учился в Геттингене математике и физике²¹. Студенты московского университета также обучались в различных европейских университетах, достаточно вспомнить С.Е. Десницкого и И.А. Третьякова, посланных для завершения образования в Британию²². В Глазго они слушали лекции Адама Смита и Джеймса Миллара, также ученика Смита²³.

В XVIII в. состав Петербургской академии наук был интернациональным. Среди 110 академиков было 67 немцев, 34 русских (включая 27 этнических русских и 7 представителей различных национальностей Российской империи), 7 швейцарцев, 5 французов, 2 шведа, 1 британец, 1 испанец²⁴. Все они вели интенсивную переписку со своими коллегами во всем мире, несмотря на то что в это время оплачивалось не только каждое посланное, но и каждое полученное письмо. Эти расходы брала на себя Академия наук, давая возможность своим членам поддерживать интеллектуальную сеть и реализовывать свое присутствие в *республике ученых*. Такие же льготы имели ученые Шведской Академии наук и члены, созданного Б. Франклином Американского философского общества.

---

²⁰ Отрывок из записок Франклиновых с присовокуплением краткого описания его жизни и некоторых его сочинений / [Пер. Анд. Тургенева]. М., 1799. См. об этом: *Калашников М.В.* “Карамзинисты”, Б. Франклин и “Горе от ума” // *Философский век. Альманах*. Вып. 31. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Часть 1. С. 211 (см. также <http://ideashistory.org.ru/files/a31.html>).

²¹ *Кулябко Е.С.* М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1962. Приложение. Краткие биографии студентов Академического университета (1747–1765). С. 130–207.

²² See: *Cross A.G.* By the Banks of the Thames // *Russians in eighteenth century Britain*. Newtonville. Oriental Research Partners, 1980. P. 98–100.

²³ See: *Brown A.H.* // *Adam Smith's First Russian Followers* // *Essays of Adam Smith* // Andrew Skinner and Thomas Wilson (eds). Oxford, *Oxford University Press*, 1975.

²⁴ Предисловие. *Летопись Российской академии наук*. СПб.: Наука, 2000. С. 7.

Академия наук занималась активной издательской деятельностью. Ученые имели возможность неограниченной публикации своих работ в академических изданиях, причем не только на русском, но и на немецком и латинском языках. Эти издания затем рассылались по европейским научным центрам, причем большей частью бесплатно.

Институт почетных членов Академии наук (характерный и для других академий мира) привлекал в сообщество российских ученых виднейших интеллектуалов Европы²⁵, российские же ученые становились членами иностранных академий. Титул почетного члена Академии наук присваивался коронованным особам и важным персонам. Правда, здесь так же учитывались научные или литературные достижения. Так, Екатерина II была членом Берлинской академии наук, прусский король Фридрих II и шведский король Густав III были членами Петербургской академии наук, а Екатерина Дашкова – членом Американского философского общества. Это подчеркивало наличие международного интеллектуального сообщества, построенного по *сетевому*, а не *иерархическому* принципу.

Академический университет в течение многих лет оставался единственным высшим светским учебным заведением. Однако он не соответствовал грандиозным масштабам петровского начинания. Поэтому в 1755 г. при непосредственном участии М.В. Ломоносова и И.И. Шувалова был открыт Московский университет, не только создавший систему академического преподавания, но и сформировавший интеллектуальную среду²⁶.

В указе № 10 от 24 января 1755 г. “Об учреждении Московского университета” прямо говорилось о том, что хотя Санкт-Петербургская академия наук “со славою иностранною и с пользою здешнюю плоды свои и производит, но одним оным ученым корпусом удовольствоваться не может”²⁷, поэтому для “генерального” обучения “вышним” наукам учреждается новое учебное заведение – “по примеру европейских университетов, где всякого звания люди свободно наукою пользуются”²⁸. Местоположением университета избирается Москва, при этом в качестве аргументов фигурируют довольно любопытные. В указе говорится: “... Установление онаго в Москве тем способнее будет: 1) великое число в ней живущих Дворян и разночинцов; 2) положение оной среди Российского Государства, куда из окружающих мест способно приехать можно; 3) содержание всякого не стоит многого иждивения; 4) почти всякой у себя имеет родственников или знакомых, где себе квартирою и пищею содержать может; 5) великое число в Москве у помещиков на дорогом содержании учителей, из которых большая часть не токмо учить науки не могут, но и сами к тому никакого начала не имеют...”²⁹. Идея открытия университета не в “резиденции”, а в “столице” имела и некоторое национально-патриотическое содержание. Если “Академия была в начале своем открытою гостиницею для ученых всего мира, и особенно Германии”³⁰, то Московский университет видел свою задачу в подготовке “национальных достойных людей в науках, которых требует пространная наша Империя”³¹.

В честь Елизаветы, выступившей в роли Минервы – покровительницы наук и искусств, – титул, унаследованный позже Екатериной II, университет называли вместо нейтрального *alma mater* – *alma Universitas Elisabethana*. Этим лишний раз подчеркивалось то, что “всякому ... довольно известно”, а именно: “... Просвещение повсюду медленными шествует стопами, если не споспешествует оному мудрость и попечение самих государей”³².

---

²⁵ Почетными членами Петербургской академии наук были, например, Христиан Вольф, Вольтер, Д’Аламбер, Дидро, Кондорсе, Кант, Гаусс, Реомюр, Лаплас, Гальяни, Франклин и многие другие.

²⁶ См. об этом: Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. Москва: Новый Хронограф, 2006.

²⁷ Полн. собр. законов Российской Империи. (Далее – ПСЗ). Т. XIV. – СПб.: Печ. в тип. II Отд. Собственной ЕИВ канцелярии, 1830. С. 285.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 286.

³⁰ Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. – М.: [В ун-тской тип.], 1855. С. 5.

³¹ Там же.

³² Словарь Академии Российской. Ч. 1. – СПб.: [При Имп. Академии наук], 1789. С. V.

Как и Петербургская академия наук, университет пользовался статусом “особого”, императорского социального института. Торжественные акты, когда студентам выдавались шпаги и медали в присутствии фаворита-куратора или почетного гостя (университетские торжества любил посещать бывший студент Г.А. Потемкин) напоминали посвящение в рыцари. По окончании курса студентам присваивали звание, соответствующее уровню “обер-офицера армейского”, а следовательно, дающее право на дворянство. Студентам-дворянам, которые были записаны в службу с “малых лет”, шли чины, Сенат должен был следить за тем, чтобы они не теряли “в полках свое производство”, “старшинство их наблюдалось”, “в повышениях не обходили”³³. Университет подчинялся непосредственно Сенату, а его студенты, профессура и прочие “под университетскою протекциею состоящие” подлежат университетскому суду, освобождаясь от постоев, “всяких и лицейских тягостей”, “вычетов из жалования и всяких других сборов”³⁴. Эти пункты соответствовали традициям европейских университетов, как и институт кураторства. Куратор, избиравшийся “из знатнейших особ”, мог много сделать для университета – определить его научную, учебную, кадровую политику, создать благоприятные условия для работы, защитить или наказать. Первым куратором был И.И. Шувалов – молодой блестящий и влиятельный вельможа.

В соответствии с неписаной традицией XVIII век, а точнее, его вторую половину принято называть “философским веком”. И действительно, эпитет “философский” сопровождает различные явления духовной жизни этого времени. Многообразные смыслы понятия “философия” выходили далеко за рамки ее строгого определения, да и само понимание философии позволяло рассматривать ее предельно широко, фактически отождествляя с умозрением. Однако и в “широком”, и в “узком” смыслах философия рассматривалась как “царица наук” или метафизика, формирующее универсальный метод познания. Аллегорические изображения рисовали ее восседающей на троне с символами света, с открытой книгой в руках, а иногда с короной на голове.

В эпоху Просвещения универсальное знание, а тем более владение им имело чрезвычайно высокий статус, поэтому входило в систему “социальных добродетелей”, обязательных для высшего сословия. Царственный образ философии гармонично сочетался с интеллектуальной харизмой просвещенных монархов, первой среди которых была, конечно, Екатерина Великая. В годы ее правления особенно ярко проявился дух “философского века”, а пропаганда просвещения в это время была возведена в статус государственной идеологии. Соединение “просвещенности” и “власти” было подчеркнуто почетным наименованием “Премудрой Матери Отечества”, присвоенным Екатерине Уложенной комиссией и подчеркивающим метафизическое соответствие ее правления с правлением Петра – “Премудрым Отцом Отечества”.

Годы правления Екатерины II (1762–1796) не просто хронологически “совпадали” с эпохой Просвещения, они были связаны с особым типом политического режима – “просвещенной монархией”, которая способствовала реализации идеалов, включавших в систему идеологических ценностей не только Силу, но Разум и даже Чувства. Сакральный образ Монарха секуляризовался, трансформировавшись в “государя-философа”, что позволило последнему иметь узнаваемые личностные черты. И действительно, Екатерина II воплотила в себе яркие и противоречивые качества человека эпохи Просвещения, став ее своеобразным символом.

Екатерина делает своими собеседниками и корреспондентами известнейших интеллектуалов Европы. Она переписывается с Д. Дидро, Вольтером, Ж.Д’Аламбером, М. Гриммом и др. И действительно, для нее имеет большое значение мнение философских авторитетов. Когда Д’Аламбер просил ее об освобождении французских пленных, он заклинал ее “именем Философов и Философии”, о чем она пишет Вольтеру³⁵. Представление о фи-

³³ ПСЗ. Т. XIV. С. 571–572.

³⁴ Там же. С. 287.

³⁵ Философическая и политическая переписка Екатерины Второя с г. Волтером... СПб., [при Академии наук], 1802. С. 137.

лософствовании и философском складе ума тесно соприкасалось с представлениями о политических свободах. Так, Екатерина пишет И.-Г. Циммерману: “Я уважала философию, потому что в душе моей была всегда отменною республиканкою”³⁶.

Та оценка, которую дает Екатерина философии и та высокая социальная планка, на которую были подняты занятия науками в ее царствование, не могли не спровоцировать дополнительного интереса к интеллектуальной деятельности. В екатерининскую эпоху быть просвещенным, философом становится модно и престижно.

Императрица и сама была творческой личностью и оставила довольно объемное литературное и публицистическое наследие, среди которого выделяются сочинения общественно-политического характера³⁷.

Екатерина вошла в систему мифологизированного социально-политического пантеона под именем Минервы. Этот своеобразный титул был заявлен во время ее коронации, сопровождающейся символическим действием – театрализованным представлением “Торжествующая Минерва”, состоявшегося летом 1762 г. на улицах Москвы и обозначающем не просто начала нового царствования, но новый, просвещенный, а потому “совершенный” тип правления. Торжество Минервы – это торжество добродетели над пороками, благополучия над прозябанием, но прежде всего знания над невежеством. Не случайно одним из центральных символов маскарада была Астрея – богиня справедливости, дочь Зевса и Фемиды, управляющая миром во время *золотого века*. Мифологема “золотого века”, с которым сравнивалось время правления Екатерины, была чрезвычайно распространена в то время. Она воспроизводилась в разных формах и видах – изобразительных, поэтических, риторических, теоретических и т.д., являя собой как бы узаконенный идеологический архетип социального устройства. Вероятно, Екатерина полагала, что имеет моральное право принимать желательное за действительное, ибо в своей внутренней политике она предприняла ряд шагов именно в сторону “царства Астреи”.

По ее инициативе Вольное Экономическое общество в 1766 г. провело конкурс на лучший проект освобождения крестьян, а через год был опубликован “Наказ”, содержащий разумные, основанные на последних достижениях политической мысли принципы организации государственной власти.

Традиции изучения “Наказа”, идущие от М.М. Щербатова³⁸, обычно ориентированы на исчерпывающее выявление и тщательное исчисление источников, которыми пользовалась Екатерина. Демонстрируя книжную эрудицию, исследователи часто не принимали во внимание исторического значения этого памятника право-политической мысли. Абстрагируясь от выяснения того, кто первый сформулировал политические архетипы, лучшие в основании философии права Екатерины II – Montesquieu, Беккариа, Юсти или Зонненфельс, следует отметить, что этот текст является не столько *компиляцией*, сколько *творческим развитием* популярных в XVIII в. идей и применением их к российской действительности. Ориентация программного документа, составленного главой крупнейшей империи, на идеологию ведущих европейских мыслителей сделала его появление значимым не только для практики политических преобразований (для которой он собственно и не предназначался) для теории социально-политической мысли как уникальная форма выражения утопизма в виде государственно-правового документа. Значимость “Наказа” для *практической философии* была отмечена избранием императрицы членом Берлинской Академии наук и высокой оценкой этого документа еще одним просвещенным монархом – Фридрихом II, а также запрещением во Франции сразу после опубликования по распоряжению министра Шуазеля. Характерно, что запрещению подверглась именно екатерининская “компиляция”, в то время как сочинения, послужившие его источниками, такая участь не постигла.

³⁶ Философическая и политическая переписка Екатерины II с Доктором Циммерманом. СПб., [в Императорской типографии, 1803], 1803. С. 149.

³⁷ См. Соч. императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснит. примеч. акад. А.Н. Пыпина. Т. 1–12. СПб, Им. АН, 1901–1907.

³⁸ *Щербатов М.М.* Замечания на Большой наказ Екатерины // *Щербатов М.М.* Неизданные сочинения. М., Соцэргиз, 1935.

В «Наказе» Екатерина пытается определить «естественное» право-политическое состояние России, соответствующее природному, моральному и культурному уровню народа. Она полагает, что новое законодательство должно соответствовать традиционному ходу вещей, иными словами, «законы» должны органически вытекать из устоявшихся «нравов», соответствовать вере и национальному характеру. Екатерина полагает, что по своему «естественному» состоянию «Россия есть Европейская держава»³⁹. Петру удалось очистить культуру России от несвойственных ей влияний⁴⁰, а его реформы еще раз продемонстрировали европейский путь развития страны. Анализируя это положение, важно не столько выявить, насколько оно соответствовало истинному положению вещей, сколько учесть специфику идеологических ориентаций. Правящая элита идентифицировала себя с западной и заявляла о своем желании быть частью европейской культуры и цивилизации.

В Екатерининскую эпоху создаются благоприятные условия для развития дворянской элиты. Громадное значение имели Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» («Манифест о вольности дворянской») 1762 г., освободивший дворян от государственной службы и предоставивший им право на личную жизнь, принятый еще Петром III, а также «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» 1785 г. в которой провозглашается элитарный характер дворянства⁴¹. Важным пунктом обоих документов было право выезжать за границу и поступать на службу в европейские «союзные державы». Оба документа отмечали качественные и необратимые перемены, произошедшие в России со времен Петра I. Вместе с тем особо отмечалась необходимость достаточного образовательного и воспитательного ценза. Так, в «Манифесте о вольности дворянской» отмечается, чтобы «никто не дерзал без обучения пристойных благородному дворянству наук детей своих воспитывать»⁴². Под обучением «пристойным наукам» имелось в виду образование европейского типа.

Нормой было знание иностранных языков – прежде всего французского (*lingua franca* международного дворянского сообщества) и (или) итальянского. Система образования предполагала в качестве его завершения поездку в Европу, так называемый *Grand Tour* с обязательным посещением Италии и Франции, факультативным – Великобритании и попутным – Германии, предполагавший осмотр достопримечательностей – музеев, архитектурных памятников, мануфактур, знакомство с выдающимися людьми, а иногда и лекции в известных университетах. Таким образом, дворянство представляло собой важнейший коммуникационный канал, обеспечивающий единство интеллектуальной культуры России и Запада.

Дворянство было, по сути, единственным социальным слоем, способным к самоорганизации и созданию собственного медийного пространства без участия государства. Этому способствовал и екатерининский указ 1783 г. о «вольных типографиях», просуществовавший, впрочем, всего 13 лет. Речи идет не только об издательской деятельности, но

---

³⁹Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767. Екатерина II, имп. О величии России. М.: ЭКСМО, 2003. С. 72.

⁴⁰Доказательство сему следующее. Перемены, которые в России предпринял ПЕТР Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходились со климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеваниями чуждых областей. ПЕТР Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал. Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767. Екатерина II, имп. О величии России. М.: ЭКСМО, 2003. С. 72–73.

⁴¹«Что есть благородное дворянское достоинство. Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное». Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. Отв.ред. Е.И. Индова. М., Юридическая литература, 1987. С. 26.

⁴²Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней. М., 1999. С. 1.

и участия в журнальной полемике, организации салонов, клубов, различных сообществ, включая масонские ложи, в которых совершался активный обмен идеями. Следует отметить дворянский состав и характер писательской среды того времени. В немалой степени дворянство занималось историческими исследованиями или переводами.

Активная дворянская коммуникация предполагала как личное, так и виртуальное общение. Интенсивная переписка в ту эпоху имела поистине институциональный статус, как по своей интенсивности, так и по содержательности. Правила написания писем входили в систему образования, а в качестве учебников выступали специальные “письмовники”, приводящие примеры того как должно быть написано письмо. Они ненавязчиво советовали, как придать надлежащую форму своим эмоциям, выражая их в принятой культурой форме. Письмовники содержали в себе образцы самых разнообразных посланий; “известительных”, “совет подающих”, “рекомендательных”, “любовных”, “коммерческих” и т.д. Особое место занимали “утешительные письма”, которые посылали для оказания моральной поддержки людям, потерявшим близких, или переживающим какое-либо горе.

Пространство эпистолярных коммуникаций чем-то напоминает современную блогосферу. Пожалуй, самым известным “блоггером”, имевшим в числе своих “френдов” коронованных особ был М. Grimm. Каждое событие, высказанная мысль, удачная шутка, идея имели эпистолярный отклик и в комментированном виде мгновенно (но не быстрее скорости лошади, разумеется) распространялись по всему миру.

Российская дворянская элита поддерживала активные контакты с европейскими интеллектуалами. Так, например, корреспондентами А.М. Белосельского-Белозерского были Вольтер, Бомарше, Кант, Мармонтель, Делиль, Б. де Сент-Пьер, Лагарп, принц де Линь и др. Именно дворянство формировало общественное мнение, являясь единственной формой существования российского гражданского общества, могущим противостоять правительству и влиять на его решения. Само понятие гражданского общества (правда скорее, как “общество граждан”, нежели как “общество, которое делает людей гражданами”) было хорошо известно дворянской элите. Оно использовалось и в государственных документах⁴³ и в широком обсуждении общественно-политических проблем.

При этом дворянство представляло собой сообщество открытое, полагающее себя “гражданами мира”, что предполагало и известную долю аристократического космополитизма, основанного на общности культуры и происхождения. Примечательно, что дворянство всегда было более *российским*, нежели *русским*. По образованию, воспитанию, привычкам, кругу общения, родственным связям, даже языку дворянство объединялось в специфическое интернациональное “воображаемое сообщество”. В значительной степени его также объединяло чувство зависимости от Государя и долга перед Отечеством, что могло бы интерпретироваться как “национальное чувство”.

Следует отметить специфику дворянской национальной идентификации, которая была характерна и для допетровской и для постпетровской эпохи и заключалась в фиксации начал и корней вне русского этноса. Так, княжеские роды Барятинские, Волконские, Горчаковы, Долгоруковы, Елецкие, Козельские, Масальские, Оболенские, Одоевские, Репнины, Щербатовы, Дашковы, Курбские, Львовы, Прозоровские, Шаховские, Белосельские-Белозерские, Шемякины, Ромодановские ведут свое начало от скандинавских (Рюрик) князей; Бельские, Волынские, Голицыны, Куракины, Мстиславские, Трубецкие, Хованские от литовских (Гедиминас) князей; от татарской знати происходят Акчурины, Бедишевы, Енгальчевы, Еникеевы, Ишеевы, Тенишевы, Мещерские, Ширинские, Ширинские-Шихматовы, Урусовы, Юсуповы и пр. “Генетический интернационализм” мог бы не приниматься во внимание, в силу своей условности и незначительности. Однако историческая память в форме генеалогии и сохранила эту информацию, и позиционировала ее как некоторую ценность. Дворянство не только формировало национальный этос, но и обеспечивало единство российской культуры с мировой, диалог культур и обмен культур-

---

⁴³ Так, пункт XI главы екатерининского “Наказа” гласил: “250. Гражданское общество, так как и всякая вещь, требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим – которые повинуются”. *Екатерина II*, имп. О величии России. М.: ЭКСМО, 2003. С. 108.

ными достижениями. Вероятно, поэтому дворянин чувствовал себя “гражданином мира”, что не противоречило его патриотическим чувствам, но служило их основанием.

Разумеется, философские идеи довольно редко выражались в дворянской среде в виде классических трактатов, хотя можно назвать среди авторов таковых А.Н. Радищева или А.М. Белосельского-Белозерского⁴⁴. Чаше они выступали в литературной, эпистолярной, мемуарной форме, что требует особых стратегий изучения. Дворянская культура имеет личностный, персонологический характер, что означает необходимость обращения к *личности*, овладения методами не столько *истории*, сколько *микроистории* философии.

Восприятие западной культуры и взаимодействие с ней носило многоуровневый и разнообразный характер, соответствующий логике развития интеллектуальных сообществ. Укажем три основных источника влияния в области философской и общественной мысли. Это Франция, Германия и Британия.

Французское влияние (лучше всего изученное) распространялось главным образом как “интеллектуальная мода” через личные контакты среди аристократии. Вплоть до великой Французской революции она считалась практически “государственной” философией и поддерживалась в “высших” сферах. Особенно наглядно это было в екатерининскую эпоху. Практически все знаменитые произведения французских просветителей П. Бейля, Вольтера, Д. Дидро, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, П.-А. Гольбаха, К.-А. Гельвеция, Б. Фонтенеля последовательно и целенаправленно переводились на русский язык⁴⁵.

Несмотря на огромный интерес “ко всему французскому”, французская философия никогда не была предметом систематического изучения в российских высших учебных заведениях. В силу присущего ей блеска, парадоксальной заостренности проблем, беллетризованного изложения, она скорее воспринималась как “литература” или некий культурный феномен. Отношение к лидерам французского Просвещения носило печать субъективности и светской игры. Личные связи, а также прекрасное знание сочинений названных мыслителей вовсе не означало адекватного усвоения, а тем более использования их теоретических построений. В этом мог убедиться Д. Дидро во время своего пребывания в России в 1773 г., а также беседуя с Е.Р. Дашковой во время ее визита в Париж в 1769 г. В письме к последней он проницательно замечает, что идеи, перенесенные из Парижа в Петербург, “принимают совершенно другой цвет”⁴⁶.

Влияние британской философии, как и культуры в целом, никогда не было так ярко и демонстративно, как французской. Англофилия в XVIII – начале XIX в. была свойственна небольшой рафинированной части аристократии, которая отчасти переняла эту моду в той же Франции и Германии, отчасти присматривалась и примерялась к кающемуся равновесию и продуманности британской политической и экономической системы⁴⁷. К британским мыслителям – Бэкону, Гоббсу, Локку, Смиту обращались прежде всего тогда, когда необходимо было разобраться в том, как устроен и как работает некий “механизм” – познавательный, политический, экономический или воспитательный. Поэтому наиболее сильное влияние английской философии испытали такие области “практической философии” как “политика” и “мораль”.

В педагогике большой популярностью пользовался трактат Локка “Мысли о воспитании” (в переводе 1759 г., сделанном, кстати, не с английского оригинала, а с французского издания – “О воспитании детей господина Локка”), где излагалась система воспитания “джентльмена”. В трактате Локка даются достаточно точные и подробные указания о том,

⁴⁴ См.: *Артёмьева Т.В., Златопольская А.А., Микешин М.И., Тоси А.* А.М. Белосельский-Белозерский и его философское наследие. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2008.

⁴⁵ Лучше всего, пожалуй изучено влияние на российскую культуру Вольтера. См., например, Вольтер в России. Библиографический указатель. 1735-1995. М., 1995, Корпус читательских помет Вольтера. Т. 1–5. Берлин, 1979–1997. “Вольтер и России” / под ред. А.Д. Михайлова, А.Ф. Строева. М., 1999.

⁴⁶ Цит по: *Моисеева Г.Н.* Дени Дидро и Е.Р. Дашкова // XVIII век. Сб. 15. Л., Изд-во “Наука”, 1986. С. 203.

⁴⁷ См. об этом: *Артёмьева Т.В., Бажанов В.А., Микешин М.И.* Рецепция британской социально-философской мысли в России XVII–XIX вв. СПб., Санкт-Петербургский центр истории идей, 2006.

как “возделывать” и “удобрять” почву, как “ухаживать за растением”, чтобы его пышный цвет вознаградил “садовника” за труды. В его сочинении впервые сочетаются принципы сочетания физического и нравственного начал в воспитании. Эти идеи широко пропагандировались русской общественной мыслью. Так, Н.И. Новиков не только переиздал труд Локка в 1788 г., но и написал под его влиянием большую статью “О воспитании и наставлении детей”, где он не только знакомил читателей с локковскими идеями, но интерпретировал их, соотнося с российскими обычаями и нравами.

“Сентиментальный” читатель конца XVIII в. обращался к английской литературе в поисках “чувствительных” образов и сюжетов, не задаваясь метафизическими вопросами о смысле жизни, проблеме смерти и т.п. и находя ответы на них их в сочинениях А. Попа и прежде всего Э. Юнга. Сочинения последнего “Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии”, “Страшный суд” неоднократно переводились и переиздавались в России.

Британская социально-политическая мысль вызвала большой интерес в России и живейший отклик среди российских интеллектуалов во многом и потому, что анализировала гражданское общество и историю его возникновения. Именно поэтому переводятся сочинения А. Фергюсона, прежде всего, его знаменитый “Опыт истории гражданского общества” (Ч. 1–3. СПб., 1817–1818), и Дж. Бентама⁴⁸. Следует отметить, что в России сочинения Бентама были представлены лучше, нежели в Британии, благодаря тому, что переводы были сделаны с французского, а не с английского языка. Его имя получило известность, главным образом после появления его сочинений именно на французском языке под редакцией Этьена Дюмона (1759–1829), сыгравшего большую роль в распространении идей и издании сочинений Бентама.

Интересно, что судьба изданий известного сочинения А. Смита “Исследование о природе и причинах богатства народов” маркировало не столько интерес к содержанию текста, сколько желание продемонстрировать этот интерес, что сделало его одинаково популярным как в до- и послереволюционной России, так и в до- и послеперестроечной⁴⁹.

Немецкая философия распространялась главным образом через высшие учебные заведения: Петербургскую академию наук и Московский университет, большинство преподавателей и академиков в которых, особенно в первой половине XVIII в. были родом из Германии. Именно здесь были организованы издание и перевод немецких авторов. Следует отметить, что в качестве единственной, принятой к изучению в России выступала философия Хр. Вольфа.

“Ученое” влияние немецкой культуры объяснялось и “немецко-голландскими” пристрастиями Петра I, пригласившего на русскую службу немецких специалистов и ученых (прежде всего в Санкт-Петербургскую академию наук) и самим состоянием “учености” в немецких княжествах, изобиловавших университетами, дававшими лучшее по тем временам гуманитарное образование, высоким престижем Берлинской Академии наук. “Недемонстративность” такого влияния была связана во многом со “школьным” характером систематической философии, а также тем, что ей занимался довольно узкий круг профессионалов. Издания представителей “популярной философии”, таких как М. Мендельсон, И.-Г. Зульцер, Х.-А. Крузий, Х. Баумейстер и др. обычно предназначались для учебных целей.

Особенно популярна была философская система Хр. Вольфа. Вольфа переводил М.В. Ломоносов [Вольфианская экспериментальная физика, 1746], который слушал его лекции в Марбургском университете в 1736–1739 гг. Вольф читал курсы всеобщей математики, алгебры, астрономии, физики, оптики, механики, военной и гражданской архитектуры, логики, метафизики, политики, нравственной философии, естественного и народного права, географии, хронологии⁵⁰. Таким образом, Ломоносов мог не только

⁴⁸ См.: “Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении... (Соч. англ. юрисконсульта *Иеремии Бентама*... В 3-х т. СПб., 1805–1811), куда вошел знаменитый “Паноптикон”.

⁴⁹ Подробнее об истории изданий А. Смита в России см.: *Artemieva T.V. Adam Smith in Russian Translation // Critical Bibliography of Adam Smith / Ed. by K. Tribe and H. Mizuta. L., 2002. P. 153–167.*

⁵⁰ См.: *Сухомлинов М. Ломоносов студент Марбургского университета // Русский вестник. Т. 31. 1861.*

приобщиться к эрудиции знаменитого ученого, но и получить урок энциклопедического взгляда на мир.

Следует отметить пристальный интерес к сочинениям немецких теоретиков “полицейского права” И.-Г. Юсти и И. Зонненфельса, многотомные сочинения которых были переведены на русский язык и изданы, а так же ставшая “народным учебником” книга С. Пуфендорфа “О должности человека и гражданина”, которая была “к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи”.

Однако направления и специфика интеллектуальных коммуникаций выявляют лишь конкретные формы очевидного процесса – включенности России в процесс европейского развития к концу XVIII в. Вероятно, важным этапом последующего исследования этой темы должно быть изучение рецепций российской культуры в Европе.